

Губернатор Форест был зол. Нет, в бешенстве! Впрочем, мужчина с юности прекрасно себя контролировал, считая ниже своего достоинства демонстрировать свои истинные чувства и показывать выдуманному (или, тем более, реальному) неприятелю свою уязвимость. Так и сейчас: несмотря на усталость и раздражение от ещё одного тяжёлого и неприятного дня, обещающего продолжиться вереницей таких же, он сохранял видимое спокойствие. Лишь периодически подрагивающие кончики пальцев левой руки, скрытой под столом, покрытым зелёным сукном, выдавали его подлинные эмоции.

Для начала ему пришлось терпеть несколько сеансов ругани Стоуна — и более того, по их итогу пойти на уступки генералу. Так-то территории вокруг опорных пунктов и район жительства имперских военных офицеров и без того патрулировали исключительно солдаты, вышвырнув оттуда людей Модо; но теперь это правило, к вящему неудовольствию давнего сподвижника, вступило в силу, как официальный закон.

У губернатора имелись мысли, как позже можно обернуть ситуацию себе на пользу. Но пока в городе так и не утихла сумятица, войсковой порядок на землях этого армейского сапога бросал тень на стражу и Фореста как главу администрации, что... досадно. Соперники и заклятые друзья уже начали присматриваться к оступившемуся вожаку: «А не потерял ли тот хватку? Не пора ли попробовать его на зуб?». Для того, чтобы подобные мысли оставались только мыслями и не более, необходимо демонстрировать решительные действия. А Форест терпеть не мог решительных действий без тщательной предварительной подготовки, гарантирующих ему победу!

Пальцы вновь дрогнули, будто желая сжаться на чьём-то горле.

Не радовал его и алхимик, который закрылся в лаборатории и сорвал поставки новой партии спец-добавки в еду ополченцев. Той, что ускоряла вбивание рефлексов в их тупые головы и подавляла волю у разнородных любителей обдумывать приказы. Это тоже... неприятно. Средство имело накопительный эффект — и если прервать курс, его придётся начинать сначала, что могло сказаться на рекрутах. Туповатые, но притом сильные, выносливые, исполнительные и бесстрашные солдаты — это, безусловно, хорошо. Но только до тех пор, пока они не превращаются в слюнявых идиотов. Не зря же во время давних войн с Империей эта методика использовалась западными алхимиками только в случае острой нужды в дисциплинированном и хоть как-то подготовленном мясе?

Даже если забыть о долгоиграющих последствиях, процент отсева и так опасно высок; не

набейся в город столько никому не знакомых и не нужных беженцев, уже возникли бы вопросы к властям... а если процент отбраковки повысится ещё сильнее, то они возникнут и у беженцев. Увы, без хоть каких-то солдат все их планы разлетятся, как карточный домик под ветром.

Ко всему прочему, их карманный банк обнесли на крупную партию золотых монет, что ставило под угрозу некоторые договорённости с людьми, которых опасно огорчать проволочками. Существующий как раз для таких случаев резерв средств позволил скомпенсировать потери, но вот последовавшая за этим волна внутренних распрей вышла многократно... неприятнее. А если вспомнить о неопределённой ситуации с попыткой восстания и причастности к ней сил из штаба Революционной Армии...

И в это сложное время его подчинённые вместо следования указаниям и исполнения непосредственных обязанностей начинают собачиться и сваливать вину друг на друга! В момент, когда за цепью событий явно прослеживается чужая недобрая воля!

Или... кто-то из них сменил сторону? Форест окинул взглядом покрасневшего от ярости главу полиции, оравшего на хранящего желчное спокойствие «молодого выскочку» — темноволосого мужчину лет сорока, нынешнего начальника службы разведки. Разведчик тоже не молчал, отбивая все нападки и холодно жала обвинениями в некомпетентности.

— ...не стоит перекладывать на плечи разведки свои промахи, Модо. Держать чернь в узде — ваша задача, не моя. Разве я виноват в неспособности ваших людей справиться с толпой взбесившихся голодранцев?

— Я виноват?! Да ты охренел, паучий выкормыш! Кто, мать твою давалку, тупо просрал у себя под носом подготовку бунта?! — взревел глава полиции. — Мои люди поймали семерых подстрекателей! Слышишь, козёл мутноглазый, семерых! А твои безрукие выползки даже жопу не почесали!

— Я неоднократно докладывал о зреющем недовольстве. Наёмники Пауля давно зарвались, хватая всех подряд. Окорачивать прихвостней чернокнижника и разгонять сборища недовольных не входит в список непосредственных задач моей службы. К вам, как и на стол господина Фореста, — вежливый полупоклон в сторону губернаторского кресла, — ложились доклады о странных шевелениях среди революционеров и сочувствующих их движению граждан. После, — короткая заминка, — реформирования наше отделение Службы Разведки не имеет боевого крыла, поэтому я считаю, что мы выполнили свои обязанности в полном объёме.

— Тогда где, слизняк ты пупырчатый, разжигатели всего этого дерьма?! Почему они ещё не в тюрьме, а, тюфяк помойный? Где тот сын сыча и гиены, который платил заводилам и закладывал дымовые шашки? Где организатор ограбления? Какая гнида дырозада проговорила о золоте?! Ответь нам, выскочка ты плоскомордая!

— Я бы тоже хотел это узнать, Рамон, — прозвучавший голос хозяина кабинета моментально заставил спорщиков замолчать, погрузив помещение в тишину.

Глаза Модо, предчувствующего выволочку неприятного человека, торжествующе блеснули.

— К сожалению, майор Даф, напрямую курировавший потенциальных бунтовщиков и агентов Революционной Армии, оказался похищен или убит, — ровно ответил разведчик. — Пока основная версия такова: обстановку подогревают действия одной из радикальных группировок внутри Революционной Армии. Как вам известно, далеко не все части этого... образования следуют указаниям совета их вожаков. И сами вожаки не всегда адекватны. Достаточно вспомнить Оман, разорённый и практически уничтоженный революционерами и кланом Оарбургов.

— Эти больные шлюхи давно кормят червей! Их усекли на головы имперцы! — вмешался Модо. В голосе пожилого грузного мужчины читались нотки страха. Тёмная слава древнего клана убийц не потускнела даже с их гибелью, в которой некоторые до сих пор сомневались.

— Мало ли на землях Империи кланов беспринципных убийц? — вздёрнул бровь сухопарый брюнет. — Но я не думаю, что это проделки кого-то из них. Не тот почерк. Совсем не тот. У нас работали в том числе и через мелких преступных главарей, а старые кланы убийц, почти как полноценные Воины Духа, презирают бандитов. Это или революционеры-радикалы, или кто-то кто сработал под них.

— Кто?

— Вторая рабочая версия — работа Эскобара.

— Что?! Этот крысиный выкормыш? Да мы разотрём его гнойную шайку доходяг в кровавый песок уже к зиме! — снова влез глава стражи, чем вызвал недовольный взгляд от хозяина кабинета.

— Если, — без промедления заметил разведчик, — к нему утекла информация о первой цели для совместного рейда вашей стражи и городского ополчения, то он вполне мог рискнуть. Но на этот раз, как ни удивительно, вы правы: в одиночку бандиты на подобную операцию не способны. Некоторые оставленные следы ведут к отдельным аристократам, имена указаны в моём отчёте; возможно, произошедшее — попытка дискредитировать и сместить уважаемого господина губернатора. Так это или нет, станет ясно в зависимости от последующих ходов известных вам персон, они уже взяты под наблюдение.

Модо, уловив оскорбительный намёк в подчёркнутом удивлении его правотой, побагровел, запыхтел и, не выдержав вставил новую ремарку:

— А третья — делишки кого-то из вашего змеиног кубла, клык тебе в печень! — рывкнул он. — Трое из семи признались, что барабанят разведке! Что ты на это скажешь, сопляк-недоносок?!

— Этот контингент готов поставлять сведения и нашим агентам, и вашим полицейским, и эмиссарам повстанцев, и вообще всем, кто готов платить. Неужели у вас обострилось старческое слабоумие, и вы забыли такие простые вещи, как азы работы с криминальными информаторами, Модо?

— Ах ты низкородное отродье вонючей змеи и плешивого паука! Ты на что намекать вздумал, падла грязножопая?! — пожилой, но до сих пор вполне крепкий телом начальник стражи сжал пальцы в кулаки и надвинулся на subtilного противника.

— Хватит! Здесь мой кабинет, а не базарная площадь. Я не собираюсь терпеть такое поведение даже от тебя, Модо. Я ценю твои прежние заслуги, но если тебе тяжело справляться с обязанностями главы полиции, не пора ли тебе подыскать толковых помощников?

— Я справляюсь! — набычился страж.

Форест холодно улыбнулся.

— Тогда через декаду жду полного прекращения беспорядков и внятных результатов расследования их причин. Настоящих результатов, а не догадок со спекуляциями. И тем паче — не подтасовок.

— Будет исполнено! — рявкнул грузный полицейский, с силой ударив кулаком в грудь. — Разрешите идти?

— Иди, Модо, иди. Не разочаруй меня, — в вежливых словах сквозила лёгкая угроза.

— Теперь к вам, Рамон, — стоило третьему члену совещания удалиться, как градус угрозы повысился на несколько пунктов. — Мне не нравятся намёки на участие в произошедшем людей из вашей службы. Разберитесь с этим. Помните, благодаря кому вы заняли своё кресло и не забывайте, что у вас нет старых заслуг, которые могли бы перекрыть ошибки.

Встретившись с ледяным взглядом этого страшного человека, Рамон незаметно сглотнул, с трудом сохранив маску спокойствия. Глава разведки был совсем не уверен, что в случае серьёзного недовольства Фореста его деятельностью патрон мужчины сможет (и захочет) прикрыть свою креатуру.

— Постараюсь сделать всё, что в моих силах!

— Не нужно стараться. Просто сделайте.

Вскоре Рамон последовал за Модо, а хозяин кабинета, оставшись в одиночестве, начал перелистывать отчёт. Кто же мог начать свою игру? Финансисты? Точно нет: слишком тесно их благополучие связано с успехом общего замысла — и слишком они зависимы лично от Фореста. Рамон или Модо? Тоже нет: первый не имеет реального веса, он занял своё место как потомок мезальянса брата деда Диего и удачливой актрисульки, а второй никогда не проявлял желания вылезти на первые роли. Да и туповат, тайные операции — не его стезя.

Кто-то из владетельной аристократии?

А вот среди этих всегда хватало желающих ухватить кусок больше пасти, да. И опасно даровитых там немало. Род Диего выглядел в этом списке приятным исключением — быть может, оттого, что кроме него и сестры в главной ветви никого не осталось...

Или всё же?..

— Опять киснешь над бумагами, дружище? — отвлёк губернатора чуть усталый, но, как и всегда, жизнерадостный голос вошедшего помощника. — А у меня хорошие новости! Удалось уговорить нашего каменного друга на обмен информацией об участниках погромов, — довольный своим успехом Диего белозубо улыбнулся. Однако мазнувший по фигуре помощника холодный, оценивающий взгляд заставил улыбку померкнуть.

— Что-то случилось? — смуглокожий брюнет подобрался.

— Нет, друг мой, ничего нового, — ответил губернатор, светло-серые глаза которого вновь потеплели. — Всего лишь задумался. Твоя сестра ведь ещё держит свой салон опереточной оппозиции?

— Ты же знаешь Изабеллу, там сплошь скучающие аристократы и всякая упивающаяся своей смелостью богема. Накипь, пустобрёхи. Ничего стоящего от них не узнаешь. Рамон даже слежку свернул, всё равно бесполезно.

— Я так и подумал, — как-то неопределённо сказал Форест. — Я так и подумал...

* * *

— И чтоб к концу недели ни одного паскудника на улицах не осталось! — глава полиции хрипло орал перед выстроившимися в линейку офицерами. — Ни одного! Всосали, тунеядцы вы

хиложопые?! Чтобы все зачинщики поголовно, мать их козлорогую, плешивую, сифозную, по камерам сидели смирно! Хоть весь город переверните три с половиной раза, но найдите мне этих помойных говноедов!

— Кха-кха-кха, — закашлялся после получасового крика немолодой мужчина. На блестящей от пота лысине контрастно выделялась пара надувшихся сосудов. Подойдя к креслу, он буквально рухнул в роскошный предмет мебели и отхлебнул вина из красивого, расписанного золотом стакана. — Всем всё понятно? — красные от полопавшихся капилляров глаза злобно обвели подчинённых, переминающихся на дорогом длинноворсовом ковре, выискивая малейшие намёки на несогласие.

— Так точно!!! — в унисон рывкнули офицеры, не смевшие дать повод скорому на расправу начальнику.

— Вот вы у меня где все, — глава полиции потряс сжатым кулаком. — М-макаки узкобёдрые... Свободны! — Довольный видимыми проявлениями власти и контроля над ситуацией, Модо барски махнул подчинённым, позволяя покинуть его богато обставленный кабинет. Он ещё даст фору всем этим молодым выскочкам! А пока его указания выполняются, можно позволить себе отдых — рука потянулась к графину с великолепным вином.

* * *

Вскоре матерные крики стали раздаваться в кабинетах старших офицеров, которые, бессознательно подражая манере большого начальства, стремились донести его пожелания до подчинённых не просто в полном объёме, но ещё и с добавками. Естественно, сроки умиротворения улиц оказались снова ужаты. Закрутился молох государственной машины, затопали кованные сапоги, затрещали ломаемые двери, замелькали дубинки и обнажённые клинки, а сначала тонкие, но с каждым часом набирающие мощь ручейки задержанных потекли в камеры.

Больше всех досталось шатающимся по центральным улицам недовольным и представителям организованной преступности под крылом дона Эскобара — но, как это всегда бывает при поспешных и плохо подготовленных действиях, немало перепало и непричастным.

И, разумеется, в столь срочном и важном деле не обошлось без перегибов со злоупотреблениями. Многочисленных. Стража не стеснялась присваивать имущество задержанных и вымогать взятки у «подозрительных личностей». Некоторые из слуг закона не отказывались получить плату натурой, если у бунтовщиков или «бунтовщиков» имелись симпатичные жёны, сёстры, дочери или ещё какие родственницы.

Недовольство их действиями росло, как щедро политые ростки бамбука под южным солнцем, иногда выливаясь в стычки, что оканчивались кровью. А кровь закономерно вела ко всё большему ожесточению — с обеих сторон.

Лозунги против власти и аристократов, доселе среди широких масс почти не звучавшие или направленные в сторону столичных министров, повернулись против родной администрации. Страх потерять работу, свободу, а то и жизнь служил хорошим тормозящим фактором, да и жизнь коренных горожан протекала относительно благополучно. Но ещё в Кукуте накопилось слишком много нищих беженцев. Они копили недовольство на дискриминацию в сравнении с местными жителями, им-то как раз терять было нечего — и вдобавок ко всему они внезапно получили средства на начало борьбы за (как они думали) свои права.

Из допросов революционеров, чьи ячейки — или банды, зовущие себя революционными — только народились или расправили крылья под живительным дождём золотых монет, следователи полиции и разведки легко вычленили шаги неведомого врага. Но назвать его имя или хотя бы с уверенностью сказать, одна это сила или несколько, они не могли. Слишком ловко неведомый противник обрубал хвосты и слишком легко уходил из расставленных капканов, словно осведомлённый о методиках и инструментах работы разведки и полиции Кукуты не хуже их самих. Мерзкий запашок предательства заставлял шпииков и стражников подозрительно смотреть на коллег из смежного ведомства... и даже на сотрудников своего собственного.

Агенты и ячейки повстанцев, подчиняющихся указаниям из штаба Революционной Армии, также пребывали в недоумении. До них дошла информация о неких силах, желающих их стравить и рассорить с союзником в лице администрации губернатора Фореста. Но также несколько независимых источников доносили о том, что этот «союзник» с потрохами проданся имперцам и в ближайшее время готовится ударить по ним, а происходящее — не более чем провокация. И подготовка к удару с целью выслужиться перед центральной администрацией Империи и лично Онестом. В этой ситуации волей-неволей приходилось беречься, поэтому большая часть агентов революции покинула город или ушла на дно.

Или оказалась убита. Что косвенно подтверждало версию о предательстве.

Маятник раскачивался всё сильнее. Беспорядки заставляли стражу и разведку действовать, их действия порождали противодействие, снова принуждая ужесточать меры — и так по кругу.

Близились буря.

* * *

— Люцифер, уничтожить! — белый росчерк вымётывается из угла фехтовального зала и, взмыв в стремительном прыжке, наносит удар задними лапами.

Хлоп! — в стороны летят красноватые ошмётки, а немёртвый кролик-монстр, влекомый инерцией, уносится дальше.

Когда кусочки лопнутого мячика упали на пол, а новоявленный демонический зверь прискакал под руку, чтобы получить порцию ласки, я повернул голову к Счетоводу и укоризненно на него посмотрел.

— Видел? Что тут сложного? Ускоряйся и бей. Даже у пушистика уже получается.

— Простите, госпожа, я буду стараться, — склонил голову миньон в тёмно-синем спортивном костюме. Последний сидел на мужчине настолько неловко, что сразу становилось понятно: со спортом криминальный финансист не дружил от слова «совсем».

— Да что там стараться? У тебя бесконечный запас сил, регенерация, личный учитель, а ты копаешься уже второй день! Ты сделал уже столько попыток, сколько любой другой начинающий Воин Духа не осилит и за месяц: энергии не хватит. Не понимаю, с чем тут возиться... — недоумённо качая головой, хрустнув очередной печенькой.

Отложенные ранее бумаги из архива марионетки-разведчика вновь вернулись мне на колени. Впрочем, основные моменты уже проработаны, а вдаваться в частности необходимости нет, так

что перелистывание страниц просто сопровождало размышления.

Счетовод отвернулся, в очередной раз сосредоточился, напрягся и спустя несколько секунд концентрации нанёс удар по подвешенной на верёвках груше: небольшой, мягкой и лёгкой, но прочной. По помещению разнёсся очередной хлопок, порождённый ударом под троекратным ускорением. Груша закачалась на верёвках, рядом с ней недовольно переминался снова выбитый из разгона миньон.

Никакого прогресса! Как было пятьдесят попыток назад, так и осталось. Нет, про полное отсутствие развития я, конечно, загнул: раньше дела шли ещё хуже! Но всё равно настолько бездарного ученика мне раньше видеть не доводилось. Антиталант какой-то! Даже самые отстающие воспитанники нашей Базы, дети (!) — и те развивались на порядок быстрее. Да что там, даже Эрис — домашняя девочка, в жизни никого не убивавшая и не дравшаяся — и та разобралась с нескольких попыток! Вот где это видано, чтобы перед простейшим ускорением концентрировались почти пять секунд, а потом сразу же из него вылетали?!

И ладно бы у сего «дарования» наблюдались проблемы с энергетикой, но нет: я старательно раздул духовную составляющую немёртвого до уровня хорошего такого Ученика! То есть в теории Счетовод с первого дня должен заметно опережать Эрис, и это даже без учёта бездонного запаса энергии, обеспечиваемого связью с тейгу!

С другой стороны, Эрис — потомок рода охотников на монстров, военных и убийц, а любого, даже самого отстающего воспитанника Подземной Базы специально отобрали из необычных детей и ко всему прочему они прошли жестокий экзамен. Иными словами, ранее я имел дело только с талантами.

Но неужели разрыв таланта и посредственности настолько велик?

Хотя да. Если вспомнить статистику соотношения одарённых ранга Адепта и шагнувших на ступень Воина... да даже Неофитов (которыми тоже становились не все желающие) и Учеников, «успехи» Счетовода перестают удивлять.

Но удручать продолжают.

— Не пытайся напрягать тело, — сказал я в очередной раз чуть ли не выпучившему глаза от натуги слуге. — Это лишнее, тебе нужна только воля и чувство собственной энергии, — Счетовод якобы понятливо кивнул. Уже который раз.

«Бесполезно».

Видимо, быстро натренировать слугу не получится. Придётся миньону делать местному бандитскому дону предложение, от которого тот не сможет отказаться, не форся новыми возможностями (или чего там он хотел устроить?). С другой стороны, зачем ему сила Ученика Боя, если с ним пойду я?

К слову, в той ситуации, в которой оказался дон Эскобар, особых дипломатических талантов и не требовалось. Стража при поддержке местного ополчения с немалым энтузиазмом взялась за Картель. Даже бунтовщиков, ещё не прекративших хорошо оплаченную из моего кармана бузу — и тех давили не так сильно, как организованный криминал.

Пусть главный бандит Кукуты и пытался влиять афедроном, но до верхушки банды постепенно доходило, что целью операции является не усмирение и подчинение главной городской ОПГ, а замена основной части криминалитета с выплатой ему всех накопившихся долгов сразу. С занесением в почки, печень и прочий ливер. Короче говоря, это не мы будем убеждать главу наркокартеля вступить в союз против нынешней администрации, а он станет упрашивать «представителей могущественного Синдиката» защитить налаженные связи и своего лучшего друга и делового партнёра от злых стражников и губернатора, предлагая потенциальным заступникам всяческие плюшки.

Ну, это в идеале.

Если получится сравить местную власть ещё и с представителями Революционной Армии, вообще прекрасно выйдет! Излишне рьяно взявшаяся за наведение порядка стража давала такую надежду. Скоро лояльным власти повстанцам не останется ничего иного, кроме как отвечать силой на силу, иначе их сильно не поймёт революционная общественность. Да и полиция, озлобленная от потерь в стычках с проплаченными радикалами, не настроена на разбирательство в сортах бунтовщиков, что стимулировало либо убираться из города, теряя позиции, либо всё-таки начинать активные действия.

Внезапно полыхнувший и до сих пор продолжающий тлеть бунт не оставлял широкого пространства для манёвра, неизбежно превращая нейтрально-дружелюбные отношения с революционерами в неприязненные. Ну, а если власти и бунтовщики не справятся сами — одна добрая волшебница, так и быть, им поможет, хе-хе-хе. Пара-тройка терактов с устранением виднейших лиц города превратит подозрительную неприязнь в открытую враждебность и чёткое желание вышибить революционную сволочь со своей территории.

Разве это не прекрасно, когда перед тем, как отправиться в посмертие, жертвы прибирают за собой мусор?

А пока враги врагов делали нашу работу, можно и отвлечься на побочные задачи вроде помощи приспешникам. Бывший бухгалтер мафии давно грезил о силе, делом доказал верность и своей работой заслужил поощрение. Потому я не только потрудился активировать его способности и немного поработал над энергетикой, но и собирался по-быстрому натаскать в применении базовой триады: ускорения-укрепления-усиления.

К сожалению, бывший бандит, ранее не имевший даже зачаточных духовных способностей, управлялся с дарованной силой крайне плохо.

На этом фоне удивляли успехи пушистика, который, словно стремясь соответствовать имени, освоился с подаренными силами удивительно быстро. Да уж, *nomen est omen*. Или всё дело в том, что Люцифер — зверь и ему не мешает разум? Пресловутое «не думай, как сделать — просто делай»? Или, может, причина в том, что этот мир в целом более благосклонен к одарённым духовной силой животным, чем к людям?

А что? Предположение не хуже прочих.

У той же Печеньки (да-да, теперь гидру зовут именно так, здоровенная А-ранговая тварь и так достаточно пафосна, чтобы напрягать мозг и выдумывать ей какое-то броское имя, так что она стала Печеньковозом или сокращённо Печенькой) дурной мощи хватило бы на десяток человеческих Мастеров, не говоря уж о запасе жизненных сил. Или, если говорить применительно к Люциферу, у отряда Выжигателей был забавный и полезный маскот: гигантский (со слона размером) летающий огненный кролик. Не знаю, был ли он потомком своего вида или так удачно мутировал на источнике природной энергии, но факт состоял в том, что огненных летающих людей в природе не существовало... ну, если не брать за пример тейгуозеров в лице старика Будо. Да, хватало изменённых, но в сравнении с сильнейшими демоническими зверями они совсем не котиrowались.

Нечто мне непонятное не давало разумным лысым обезьянам, идущим по пути воина духа, совершить качественный скачок и окончательно перешагнуть рамки человечности. А он, этот самый скачок, присутствовал, что подтвердили мои исследования, ради которых пришлось снова навестить лес. Если энергетическая структура эйпмана, за исключением полурудиментарного духовного ядра, в общем-то, не слишком отличалась от той, что наблюдалась у Прапора, то вот духовная оболочка гидры разительно расходилась с прошлыми образцами.

Разумеется, пока рано твёрдо судить, для уверенности стоит выловить ещё несколько монстров А и (желательно) S-класса. Но вероятнее всего, я всё же прав, и именно А-ранг становился для монстров точкой качественного перехода. Если эйпманы и другие демонические звери сходных или младших классов оставались, за редким исключением, просто зверями, наделёнными необычными способностями, то перешагнувшие предел за таким же редким исключением становились полноценными монстрами. Мутантами, только что порождёнными влиянием не радиации, а мистической энергии.

Оно и к лучшему: если бы представители высших классов опасности не превращались в жутких одиночек и территориалов, сидящих на своих аномалиях и не заинтересованных даже в представителях противоположного пола, то человечеству стало бы грустно. Я передёрнулся, представив барражирующие в небе эскадрильи S-ранговых драконов и резвящихся на лесных просторах старших братьев и сестричек Печеньки.

Б-р-р! Страшно.

В чём состояло отличие Печеньки от менее развитых тварей?

Во-первых, у гидры было сложно выделить по отдельности жизненную или духовную силу — одна несла признаки второй и наоборот. Возможно, в этом и крылся секрет экстремального долголетия монстров верхней планки силы.

(Конечно, странно говорить о жизненной силе применительно к нежити, но у меня скопилось достаточно статистики, чтобы соотнести текущую по жилам немёртвых смесь с праной живых и разобраться в её свойствах. Те же эйпманы, у которых подобные признаки еле прослеживались, жили, в зависимости от уровня силы, от двадцати пяти до ста лет, а вот точной информации о естественном сроке существования созданий ранга Печеньки и выше не существовало. Как минимум А-ранг жил несколько веков, как максимум — пока не убьют. И да: духовное ядро у гидры не было рудиментарным, однако и жизненно важным органом оно тоже не являлось, скорее, служа материальным отображением некоего переразвитого энергоцентра.

У некоторых видов высокоуровневых чудовищ именно духовное ядро являлось смертельной точкой, в отдельных случаях даже единственной, но конкретно у Печеньки более уязвимым оставался нервный узел, повреждения которого сказывались на ней даже в нёмёртвом виде, портя координацию движений. Да, нужно будет заказать фигурную бронеплиту в Столице. Духовное ядро, сердца и прочие органы, к счастью, можно не защищать, эти точки для боеспособности моей трёхголовой слуги не критичны).

Во-вторых, за счёт слияния жизненной и духовной силы полученная смесь не только уплотнялась, что значительно облегчало работу с энергией вне тела, но и заметно сильнее переплеталась с плотью. То есть наиболее мощные монстры постепенно переходили в разряд полудуховных сущностей.

Хм... если вспомнить канон и марионетку моей версии из не случившегося будущего, то костяной дракон S-класса вполне мог быть таковым и до включения в коллекцию. Вроде бы, если мне не изменяет память, та Куроме хвасталась, что подловила монстра во время спячки. Быть может, он проходил трансформацию? Перерождался, одновременно усиливаясь? Интересно бы глянуть на такой любопытный образец.

Ну и в-третьих, изучение и сравнение показало, что не только Первый Император с его тейгу был таким умным. Другие правители тоже пытались создать своё вундерваффе, только методы использовали иные. Подозрительное сходство энергетики Прапора с наблюдаемым у монстров наводило на определённые мысли.

Тем более что косноязычный великан, стоило снова его расспросить, подтвердил мои мысли, сказав, что он не от рождения такой здоровый.

То есть, кто-то ещё до зарождения Империи (а «дикарские» стили укрепления зародились заметно раньше) изучил энергетику монстров, смог переложить полученное на человеческую модель тела-духа-разума и создать методику тренировок, которая способствовала последовательной трансформации. Впрочем, в других стилях это тоже прослеживалось, хоть и не так явно. Кто-то очень умный смог дать одарённым людям, которые сами по себе слабы даже в сравнении с верхушкой С-ранга, возможность сравняться с А-ранговыми тварями. Хотя бы отчасти и ценой сопутствующих телесных трансформ.

Вот тебе и варвары, вот тебе и дикари!

Что из этого следовало? А то, что, хорошенько поковырявшись, можно часть интересных способностей монстров переработать под свою двуногую "платформу" — и с комфортом их применять! Я бы, например, не отказалась от регенерации гидры или, тем более, метаморфизма. Хотя бы ограниченного.

Безусловно, тут стоило руководствоваться принципом «семь раз отмерь, один раз отрежь», а то превратиться в подобие трёхметрового «красавчика» Прапора мне бы, наоборот, совершенно не хотелось. Мне бы просто немного, сантиметров на десять, подрасти и догнать сестру. А вот заделаться шкафообразной кривоногой чупакаброй с руками до колен... фу-фу такой стать!

Ещё можно попробовать научить или иным образом передать марионетке-монстру фундаментальные навыки воина духа. Если уж та же Печенька, пользуясь инстинктивными способностями, представляет опасность для небольшой армии, особенно если её не выйдет ослабить огнём артиллерии издали, то если эти способности оптимизировать...

Не получится ли в таком случае из неё полноценный S-класс?

Но саму возможность передачи навыков нужно проверить. И для начала — на образце, более близком по физиологии и энергетике.

— Ладно, заканчивай, — поднявшись с лавки у стены, бросил Счетоводу деревянный меч. Тот его не слишком ловко поймал, ухватив с тем же изяществом, что крестьянин хватает оглоблю. — Так из тебя бойца не получится. Попробуем другой путь. Я сейчас начну повторять простейшие ката, твоя задача — копировать мои движения и, расслабившись, войти в состояние безмыслия. Понятно?

— Да, госпожа, но я не обучен дисциплинам контроля своего разума...

— Просто повторяй за мной, ни на чём не заикливайся и оно само получится. Начинаем, — не дав миньону снова начать бесконечные уточнения, приступаю к задуманному.

Замысел мой несложен по форме: вогнать горе-ученика в подобие транса, а потом, пользуясь

расширенными возможностями духовной связи, повернуть фокус наподобие частичного объединения сознаний. А что? Передавать и ловить мыслеобразы у меня выходило неплохо, да и навык прямого контроля, спасибо постоянным тренировкам с Люцифером, вырос очень существенно. Раз уж ещё на заре исследований связи марионетка-хозяин получилось прочувствовать и перенять часть боевого стиля лысого Кенты, то и передача понимания простейших навыков, по идее, должна удалась.

Начав замедленные движения, постепенно вгоняю себя в полу-медитативное состояние, концентрируясь на связи с миньоном. Отстранившись от эмоций Счетовода, в которых мешались опаска, досада и злость на себя с надеждой и верой в меня (вот же странный тип!), продолжаю двигаться, всё плотнее настраиваясь на партнёра в этом своеобразном всё ускоряющемся танце.

Со стороны можно было бы увидеть, как отточенные движения молодой убийцы и неуклюжие взмахи криминального финансиста, поначалу диссонирующие, обретают всё большую синхронность.

Моноotonно повторяя заученный набор движений, я отчасти стал Счетоводом, а он мной. Синхронность стала неестественной.

Неожиданно цикличная монотонность сломалась, сменившись множеством новых ударов, блоков и парирований. Двое двигались так, словно стали отражениями друг друга, взятый и потом ещё увеличенный темп давно перерос достижимый для обычного человека.

Вдруг пара замерла, потом так же внезапно взорвалась новым движением. Такие переходы повторялись ещё несколько раз, и каждый переход давался мужчине всё легче.

Наконец, ката незаметно перетекли в такой же, похожий на сотни раз отрепетированный танец, поединок. Если присмотреться, можно было понять, что «бой» представлял собой повторение всех пройденных движений в различных последовательностях. Наконец ученик и его наставница остановились и опустили тренировочное оружие, их словно пребывающие не здесь взгляды вновь стали живыми.

— Ну как? Теперь понятно, что нужно делать?

— Я... — протянул всё ещё пребывающий в прострации Счетовод. Что не помешало ему чуть неуклюже, но отвести в сторону мой укол и машинально встать в одну из пройденных оборонительных позиций. Причём проделано это было с быстротой, недостижимой для его прошлых самостоятельных попыток ускориться.

Успех!

Конечно, в настоящего мечника мой миньон не превратился, базовые движения не дали ему понимания боя и любой более-менее опытный Ученик разделает такого «специалиста» на куски в несколько ходов, но это несомненная удача. В сравнении с обычным (и даже не совсем обычным) бандитским и не только мясом, Сай стал действительно опасен, причём рывком. Сейчас он смог бы даже без оружия разделаться со средних размеров бандой трущобных отморозков или десятком стражников, хотя бы за счёт обретённого умения нормально ускоряться и традиционных для нёмёртвых живучести с выносливостью.

Ну, а если Счетовод таки захочет сделать шаг дальше и на относительно пристойном уровне освоить искусство боя на белом — то есть холодном — оружии, придётся ему уже по-честному тратить сотни и тысячи часов, чтобы выйти за рамки начальных приёмов и связок моего подарка. Знать несколько финтов и уметь правильно вести бой — сильно разные вещи.

Стоит потом попробовать реверсировать такой трюк с Прапором, уступив роль ведущего в паре великану. Вдруг наткнусь на тропку к пониманию его пути развития? Вышло бы неплохо.

Счетовод, до которого дошло, что именно он сделал, наконец, очнулся, низко поклонился и проговорил:

— Этот слуга благодарит Госпожу за новый дар и просит прощения за свою бесталанность.

— Сай, когда я просила тебя не общаться со мной на бандитском наречье, это не означало, что я требовала знаков почтительности. Мне они не нужны. Не хочешь, как Кента, называть по имени и на «ты»? Обращайся на вы, но давай без этого всего, — неопределённый взмах кистью.
— Раздражает.

А ещё напоминает издевательскую манеру общения Кей Ли: тот тоже очень любил прикинуться «ничтожным слугой». Счетовод в отличие от шутника говорил почти искренне, но всё равно...

— Простите, госпожа Куроме.

Вздых.

— Ладно, на этом закончим. Давай переодевайся, у нас обоих сегодня ещё есть дела.

* * *

Мускулистый копейщик нарочито красивым вращательным движением своего оружия вырвал у противостоящего ему голодранца полуторный меч и, свалив его жестоким ударом древка, медленно занёс над последним из неприятелей оружие. Профессиональный гладиатор ждал реакции зрителей.

— Смерть! Смерть! Смерть! — предсказуемо кричало большинство.

— Насади его, Наратан! Выпотроши! — вторили другие.

— Я хочу тебя, Наратан! — экспрессивно воскликнула неизвестная особа. Да так, что аж шум толпы на миг перекрыла.

Поигрывая мышцами под лоснящейся от пота бронзовой кожей, светловолосый и фиалковоглазый, похожий на голливудского актёра Наратан резко опустил копьё в театральном ударе. На песок брызнула кровь.

— Да-а-а!!! Наратан! Наратан! Наратан! — вниз посыпались многочисленные монеты.

Задумчиво верчу в пальцах гладкую косточку, оставшуюся от крупного персикообразного фрукта, подумывая: а не запулить ли её позёру в лоб? Тоже мне, кинозвезда! Перебил кучку кое-как вооружённых смертников, а красуется, словно только что вышел из воистину эпичной схватки! Не боец, а какой-то слащавый клоун! Хотя подать себя и нагнать пафоса он умел, не поспоришь. Покосившись на спутницу, скрепя сердце решил оставить «героя» без «награды».

Изабелле представление явно нравилось. Девушка не постеснялась выразить одобрение криком и сверкнувшими в полёте из нашей ложи золотыми монетами.

В груди шевельнулась ревность.

«У-у, пафосный стриптизёр! — мысленно проворчал я, проводив глазами вращающиеся в воздухе жёлтые кругляши. — На Базе за месяц столько платят, а этого слабака чуть не по горло засыпали! Небось и по вызову подрабатывает», — неприязненный взгляд мазнул по фигуре, облачённой в одни лишь трусы (или это такие шорты?) и наплечник. Позёр буквально упивался происходящим, белозубо улыбаясь, размахивая копьём и что-то воинственно рыча.

Беспольный дикарь-метросексуал.

Я бы с большим удовольствием посмотрел сценку вроде адаптации восстания Спартака применительно к добровольно-принудительно согнанному сюда «мясу» из свеженаловленных бунтовщиков. Интересно, сей «герой» проявил бы себя таким же воинственным, стоя против врагов, которые имели шансы завалить этого средненького Ученика телами, а потом запихать его копьё так глубоко, чтобы оно вылезло изо рта? Представленная картина вызвала улыбку.

— Как тебе Наратан, Кори? — блестя тёмными сапфирами глаз, повернулась ко мне Изабелла.
— Обожаю его! — девушка учащённо дышала, её явно возбуждали подобные зрелища.

Она была в этом не одинока: бои гладиаторов со смертниками, монстрами и друг другом довольно популярны в Империи. Ну да, театр или игра оркестра — это на любителя, а кровь,

смерть и секс всегда будут пользоваться спросом у людей. Что у богачей, наблюдающих за смертоубийством из своих высоких лож, что у бедноты, вопящей от восторга с узких лавок.

Хорошо хоть извращения вроде совокупления симпатичной смертницы и молодого бычка или, там, льва не получили распространения. У нас всё же не земной Рим, где, если не вралась память Виктора, такое было в чести. Цивилизация, да-с!

— Казнь как казнь, — безразлично дёрнув плечом, отправляю в рот сладкую виноградинку. — На бестиариев* смотреть интереснее. Хотя у этого Наратана довольно эффектно выходит расправляться над не способными сопротивляться. Целое шоу устроил, насаживатель, хех.

/* Бестиарий — гладиатор, специализирующийся на схватках с животными, в данном случае демоническими зверями./

— Это была банда опасных разбойников, — заступилась за своего любимца Изабелла, — и у них было оружие!

— Но не шансы, Белла, — отщипнув ещё пару виноградин, одну съел сам, а вторую, мазнув по полным губкам, отправил в приоткрывшийся ротик девушки. — Этот нудист — воин духа, хоть и всего лишь слабый Ученик, а бандиты — обычная смазка для клинка без следа таланта. С тем же успехом можно было выставить против бандита толпу пятилетних детей.

— Ты ведь тоже училась в Храме Боя? — с хитринкой спросила лизнувшая мои пальцы дворянка. — Смогла бы справиться лучше Наратана, сладкая моя?

— С этим-то отребьем? — презрительно фыркаю, глядя на тела, подцепив которые баграми, утаскивали прочь работники арены. — Легко!

И добавляю гордо:

— Я вскоре планирую аттестоваться на новый ранг, так что можно и вместе с палачом! Но опуститься до того, чтобы почти голышом биться на потеху толпе? — кривлю губы. — Разве только для тебя, Белла, и исключительно наедине, — уже более игриво говорю ответно улыбающейся девушке.

— А я слышала, что Храмы и Школы Боя пускают зрителей на аттестационные поединки.

— Некоторые пускают зрителей за плату, но экзаменуемые сражаются за ранг, а не за деньги. Но так делают далеко не все. Среди настоящих... по-настоящему уважающих себя Храмов это не принято. Да и зрители не уйдут довольными: уже схватка средних Адептов для обычного глаза превращается в какое-то мутное мелькание.

Взяв со столика бокал со сладким ликёром, с удовольствием тяну вкусную, согревающую, но практически не пьянящую жидкость (почему-то алкоголь стал действовать на меня ещё слабее, чем раньше), краем взгляда отметив, как Изабелла чуть смежила ресницы, словно подтвердив какие-то свои мысли. Девушка пыталась раскрыть под моей маской некий существующий в её воображении образ, а я временами подыгрывал, ничего не подтверждая, но, тем не менее, допуская кое-какие «нечаянные» промашки и оговорки из тех, которые от меня хотели получить.

Забавная игра.

Не то чтобы во мне проснулись невероятные актёрские таланты: обрывки памяти древнего генерала помогали, но при всей неторопливости изменений имперского уклада за четыре столетия произошло немало перемен. Однако и сама Изабелла — не сопоставляющий противоречия в показаниях допрашиваемого особист, а скупающая дворянка, что пыталась вписать поведение любовницы в некий шаблон. И пока я не начну намеренно его рвать, шаблон продолжит своё существование.

Изабелла, как и большинство других людей, к которым отчасти относилась одна начинающая повелительница мёртвых и уж точно относилась её сестра, предпочитали видеть не то, на что смотрели, а то, что желали или ожидали увидеть.

— И я бы, кстати, не стала злить народ, устраивая гладиаторские игры сразу после бунта, —

произношу вслух, мысленно фыркнув на внутреннего философа. — Вдруг снова полыхнёт?

Изабелла фыркнула.

— Неужели моя могучая воительница боится выступлений черни? — попробовали меня поддеть. — Не беспокойся, Кори, стража и ополчение уже загнали наглое быдло по норам и сейчас вылавливают остатки банд с зачинщиками. Ну-ка, сделай ам, милая, — мне в рот отправилась сладкая ягода: девушке явно понравилась затея кормить друг друга с рук, заодно немного поддразнивая и раздавая безмолвные намёки на иные удовольствия.

От агентов Дафа и Счетовода поступала несколько противоречащая информация, но портить момент и спорить насчёт местных бунтовщиков я не стал. Однако через некоторое время, когда мы вернулись к беседе, перевёл внимание на старших братьев местных бузотёров.

— А мне кажется, что ты слишком принижаешь их способности. Среди мятежников должны встречаться умные и сильные люди, — говорю я, лёжа на коленях любовницы и забавляясь с её длинными чёрными локонами, — Как же Революционная Армия? Там-то «наглое быдло» пришло к успеху. М-м?

— Пришло к успеху? Быдло? — тихо засмеялась Изабелла и, откинув волосы за спину, предательски отобрала у меня игрушку. — Ты ведь у меня уже взрослая девочка, Кори, а в сказки веришь.

— Хм? — состроив недовольное выражение, покидаю пригретое место и перетекаю на диване в сидячее положение. На арене, изображая сценку столкновения варварских племён, снова резались какие-то неуклюжие то ли смертники, то ли соблазнённые блеском серебра дураки.

— Ты действительно думаешь, что вот эта неграмотная чернь, — небрежный взмах кисти в сторону новой партии бойцов, — способна на большее, чем неорганизованный грабёж? Штаб революции в своих интересах создали влиятельные лорды тех мест при поддержке лордов из Столицы. И всё это сборище глупцов, верящих, что сражаются за народное, — ироничный фырк, — благо... оно существует лишь до тех пор, пока остаётся полезным. Иначе их давно бы уже раздавили. Как и все предыдущие мятежи.

— Вместе с влиятельными лордами? — насмешливо уточнил я.

— Если они проиграют в интриге, — зеркально отразила мою улыбку девушка. — Но скорее, игроки сложат фигуры и, пожав руки, начнут новую партию.

— Любишь шахматы?

— Терпеть не могу, — улыбка Изабеллы стала приторной, — это Форест мнит себя гроссмейстером и постоянно всё сводит к любимой игрушке. Братец нахватался у него шахматных поговорок и заразил меня. Если хочешь, я познакомлю вас на балу.

— Будет интересно с ним встретиться, — тихо хмыкнул я. — А генерал Надженда? Она игрок или фигура?

— Хи-хи-хи! — словно маленькая девочка захихикала аристократка, — Игрок, хи-хи! Худородная глупышка думала, что со своей армией дезертиров попадёт на честную войну! Представляю, как она удивилась, узнав, что настоящие хозяева революции не собираются с Империей грудь в грудь... и тем более не думают пускать выскочку наверх! Имперский генерал, командующий шайкой кровавых психопатов, хи-хи-хи... которых потом вместе с этой дурочкой и передавят, — девушка смеялась, словно рассказав самую смешную в своей жизни шутку.

Тоже улыбаюсь. Если слова улады моих вечеров соответствовали истине, то неудача хитрой, но — для плетущих паутину интриг властных пауков — слишком прямолинейной военачальницы смотрелась не только закономерно, но и действительно забавно. Я даже немного посочувствовала Надженде. Распалили и поманили девушку огнём войны и реками крови во имя Общего Блага, а оказалось, что революционный дракон, такой грозный при взгляде издали — надувной. И вообще у постановки есть свои профессиональные режиссёры, не горящие желанием пускать новичков в свой (не)дружный коллектив.

Обидно, наверное.

Но главную изюминку шутке придавало знание возможного будущего, где «худородная дурочка» если и не поимела всех игроков, то точно избежала уготованной судьбы. Если так посудить, даже если Изабелла неправа с «истинными хозяевами революции», для армейского генерала стать главой кучки убийц, пусть и с тейгу — повод если и не оскорбиться, то затаить недовольство.

Конечно, Эсдес тоже вскоре станет главой кучки убийц с тейгу, а она вообще высший генерал. Вот только она останется при полномочиях, при армии, хоть и временно недоступной из-за расстояния до Северного королевства, и получит от Онеста немало плюшек. В отличие от Надженды.

Если вспомнить канон, то глава Рейда именно поменяла захваченные тейгу на своего Сусаноо и подкрепление в лице полиморфа Челси. Четыре предмета на два. Да и денежное вознаграждение, которое новые дружки Акаме требовали за устранение «попирателей справедливости», в этом ракурсе обретало несколько иной смысл, чем можно было подумать сгоряча.

Возможно, Надженду действительно не слишком привечают в верхах Революции. Если это так, то при всей моей нелюбви к одноглазой похитительнице чужих сестрёнок я не мог не отдать дань уважения женщине, обернувшей поражение победой. В случае чего убью её быстро.

Хм, хм. Или... да. Определённо!

Буде окажется, что глава Рейда действительно таит обиду на кого-то из боссов мятежа, а то и не одного — это откроет интересные перспективы для тесного сотрудничества.

* * *

— Не лучший у вас выдался денёк, дон Эскобар! — вполне доброжелательно сказал Счетовод хозяину дома, вернувшемуся домой в ночи.

Вошедший в кабинет мужчина в простой клетчатой рубашке и светлых брюках замер

мраморной статуей. Должность главы городского криминала подразумевала определенный уровень уважения в обществе, так что обнаружение за своим столом незваного гостя могло удивить тебя куда больше, чем, скажем, покушение на убийство. Но если гость всё-таки появился, то ничего хорошего от него ждать не следует... особенно в нынешней сложной ситуации.

— Домик у вас отличный. Жена красавица, детишки прелесть — даже девочка очень на вас похожа. И у мамы лучшее забрала.

Эскобар оглянулся назад. За спиной обнаружился поглаживающий бочонкообразный кулак Прапор, уложивший у стеночки пару вошедших в дом телохранителей. Поймав взгляд, покрытый ужасными шрамами великан мило улыбнулся хозяину дома, отчего этот носатый и смуглокожий мужчина, напомнивший мне немолодого итальянского лавочника, заметно побледнел. К чести бандита стоило признать, что в руки он себя взял почти мгновенно. Вот стоит испуганный и растерянный «лавочник», а вот — собранный и холодно-спокойный глава могущественнейшей и опаснейшей криминальной группировки, подмявшей центральный город провинции и все окрестности.

— Приношу извинения за столь наглое вторжение в ваш дом, — продолжил Счетовод. — Но мне нужно было переговорить с вами конфиденциально, без лишних ушей и незваных гостей.

— Вы согласились на встречу в бронированном ресторане, — неплохо пряча страх за маской сдерживаемой злости, произнес Эскобар, подчёркнуто спокойно пройдя вперед и присаживаясь за красивый резной стол напротив миньона. Я в маске для ночных выходов встал сбоку от высоких договаривающихся сторон. — Где моя семья? Что с охраной?

— Всё хорошо. И с вашими людьми, и с семьёй, — тонко улыбнулся Счетовод. — Женщины и дети отдыхают в спальне, а охрану пришлось вывести из строя и угостить вашей же продукцией. Сейчас наши люди разбираются с наружными патрулями, но не переживайте: все останутся живы. Организация бережно относится к семьям и людям честных деловых партнёров, — нарочито подчёркнутое слово «честных» и невысказанное, но чётко ощутимое по тону слово «пока» перед «живы», заставило лицо криминального авторитета еле заметно дрогнуть.

«Похоже, бандитская морда действительно хотела сравнить нас со стражей. Может ему мизинец отрезать, как у якудза? Или уши? Или заимствовать придумку генерала Стоуна: пришить на место старых ушей свиные, а вместо носа милый пяточок? Точно! Если будет плохо

себя вести, так и сделаю! Интересно, если приживить уши и пяточек марионетке, а потом отправить её лечиться в пространственный карман, они прирастут? Хи-хикс, а если сделать операции жене и дочке, получится целая семейка пяточков: Ниф-Ниф, Наф-Наф и Нуф-Нуф! Ну, а мальчишка станет волком, с собачьими ушками... хотя нет: пусть папа будет волком, который разрушил домашний очаг семьи свинок, хи-хих! Интересно, Эскобар любит свининку?»

Не то, чтобы я действительно собиралась поиграть с потенциально полезным человеком и его семьёй в весёлого некрохимеролога, но... ведь правда смешно бы получилось! Правда-правда, хи-хи-хи!

Поморщившись, волевым усилием разгоняю расшалившихся мозговых тараканов. Многие забавные, в моём понимании, штуки и раньше были неприемлемы с точки зрения закона и морали (спасибо Яцуфусе и наркотикам), а уж после снов-воспоминаний демонической твари, которая плела из тел и душ своих жертв прекрасные (по её мнению) и полезные конструкции... Вовремя я начал развивать свою эрзац-окклюменцию. Очень вовремя! Быть может, семейство, поколениями строившее своё благополучие на чужих слезах и крови, не вызывало у меня жалости, но идти на поводу нездоровых желаний — нехорошо и неправильно. Даже не из этических соображений меня-Виктора, а просто потому, что скатиться в тёмный омут и уподобиться твари из сна легче лёгкого, а вот подняться обратно — очень сложно. Если вообще реально.

Так что никаких убийств под влиянием момента, только оправданные с рациональной точки зрения!

...хотя идея с некрохимерологией всё равно занятная, да. Надо её запомнить.

Эскобар подсознательно отодвинулся от странного карлика в маске демона и скрадывающем фигуру плаще. На мгновение проявившаяся у того аура смерти и безумия выбила мужчину из колеи, словно ушат ледяной воды, — Они знают! — заставив отвлечься от речи главного в тройке. Глава Картеля не был боязливым мальчиком, но такая демонстрация заставила внутренности испуганно сжаться. За себя мужчина почти не боялся, но его дети и до сих пор искренне любимая Миранбель... Взгляд мазнул по самодовольной физиономии главы незваных гостей. Что за чудовища ему служат?! И... не спустит ли он их с цепи?

Но эмиссар Синдиката не показал ни единого признака гнева, продолжая говорить со всё тем же раздражающе-самоуверенным выражением на лице:

— ... что касается встречи в ресторане, то до нас дошла информация о готовящейся облаве стражи, — покачал он головой. — Представляете, какие-то наглецы слили им информацию о нашей причастности к беспорядкам. Очень опрометчиво, очень!

— А вы непричастны? — неосторожно вылетевшие слова ещё сильнее напугали Эскобара. Оказываемое давление не могло не сказаться, и не привыкший к такому положению мужчина повёл себя с этими людьми излишне прямо.

По спине пробежали мурашки. Показалось, что синеволосый сейчас даст отмашку и безумный карлик смахнёт голову незадачливому бандитскому дону, а потом пойдёт наверх, к его семье.

— У организации нет политических интересов в ваших краях, — как ни в чём не бывало, продолжал улыбаться главный, словно они обсуждали погоду. — Исключительно деловые. Но даже будь иначе, у вас и ваших людей всё равно нет выбора. И не было задолго до нашего прибытия, причём отнюдь не нашими усилиями. Вот, ознакомьтесь, — в руки Эскобара перекочевала казённого вида бумажная папка на завязках.

Чем дальше дон читал, тем сильнее сжимались зубы. Разрозненные осколки информации и неясные подозрения объединялись благодаря предоставленным документам в целостную и очень неприятную картину: их потихоньку зажимали, якобы желая скорректировать негласные договорённости в свою сторону, а на деле готовились к решительному натиску с целью обезглавить. Рейдерский захват, в чистом виде. И ведь вся информаторская сволочь, прикормленная деньгами или посаженная на крючок сомнительных пристрастий и поступков, дружно молчала!

Видимо, те, кто был в курсе, уже списали Эскобара. И заодно — свои долги перед ним.

Положив папку на стол, глава Картеля сквозь сковавшую сердце холодную ненависть внутренне порадовался, что успел отправить наследника на учёбу в Столицу. Посланец Синдиката прав: выбора и впрямь нет. Даже удайся затея с ненавязчивым стравливанием опасных гостей и стражи, его организацию это не спасло бы. Дьяволы выкорымыши! Картель — дело десяти поколений их семьи, а эта подлая тварь собиралась подгрести его под своё жадное брюхо!

В некотором смысле всем им очень повезло с этим проклятым бунтом и поймавшим вожжу под хвост старым идиотом Модо. Если бумаги не лгут (а они, провалились всё в Ад, точно не лгут! Слишком много совпадений с уже известным из иных источников, слишком явная система вырисовывается!), то он, Эскобар, жив и даже относительно благополучен лишь благодаря происходящим сейчас беспорядкам и поспешности, сорвавшей план губернатора и его псов. Иначе его дом уже брали бы штурмом. Или послали тихих убийц вроде вот этих, чтобы он с семьёй не успел скрыться через один из тайных ходов.

Похоже, Эскобар здорово переоценил своих подчинённых, считая, что те несколько одарённых бойцов, которых ему удалось заполучить, смогут дать бой и задержать людей Фореста, не говоря уж о подручных представителя почти уничтоженного имперцами Синдиката, которых он ставил на ступень ниже. Подручных, которые без какого-либо шума проникли в его дом, обезвредили внутреннюю охрану и пленили его семью, притом не потревожив охраны внешней!

Нет! Не сходится! Убийцы Фореста просто не могут быть так же сильны и компетентны, как эти вот — иначе он вёл бы себя совсем-совсем иначе! Похоже, старые и страшные байки об опасности Синдиката не только не преувеличивали, но и изрядно приуменьшали реальность, а «уничтоженная» имперцами верхушка просто отбросила хвост и сейчас начала восстановление былого. Эскобар не был дураком и отлично понял намёк в виде документов, никак не способных оказаться у его незваных гостей случайно. Чтобы добыть такой компромат, надо обладать не только грубой силой, но и впечатляющей тонкостью. Навыками и мозгами.

Исключительно деловые интересы? Ха! Эмиссар и его люди должны прекрасно понимать, что Эскобар — битая карта и как деловой партнёр ничего не стоит. Как только власть наведёт порядок, за его жизнь никто не даст и медяка... если эта самая власть останется прежней.

Да, у него действительно нет выбора.

— Я вижу, мы поняли друг друга, господин Эскобар, — поймав его взгляд, проговорил гость. Губы посланника Синдиката растянулись в вежливо-хищной улыбке, а случайные отблески света в стёклах очков, казалось, обратились inferнальным огнём. — Теперь, если не возражаете, мы обсудим конкретику нашего дальнейшего и, несомненно, взаимовыгодного сотрудничества.

Примечание к части

Автор и Куроме благодарят за пожертвования на Дело Тьмы - кофе и печеньки благотворно сказываются на настроении и активности музы.

А.Н.: бечено x3.

Картинки:

Модо глава стражи (отсутствуют бакенбарды и волос на голове побольше).

<http://tl.rulate.ru/book/57083/4884252>